

УДК 177.3

Старость как социально-философская категория в рамках культурной парадигмы общества

Гришай Владимир Николаевич

Доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры экономики,
Ессентукский институт управления, бизнеса и права,
357600, Российская Федерация, Ессентуки, ул. Ермолова, 2;
e-mail: vngprof@gmail.com

Киясханов Магомед Хизриевич

Кандидат философских наук, доцент, представитель МВД РФ в Республике Таджикистан,
Министерство внутренних дел Российской Федерации,
734003, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. Льва Толстого, 67;
e-mail: rlo.tajikistanmigr@mvd.gov.ru

Капустян Наталья Викторовна

Кандидат социологических наук,
заместитель завкафедрой трудового и предпринимательского права,
Ставропольский институт кооперации (филиал),
Белгородский университет кооперации, экономики и права,
355000, Российская Федерация, Ставрополь, ул. Тухачевского, 28/9;
e-mail: common@stavik.ru

Аннотация

В статье рассмотрена старость как социально-философская категория в рамках мировоззренческих установок культуры. Оценен экзистенциальный смысл идеи старости, ее образы, актуальные той или иной культурно-философской среде. Растущая продолжительность жизни делает общество более благополучным по многим признакам. Тем не менее, для полноценного восприятия старости, а также связанного с ней концепта долголетия, необходимо нечто большее, чем существование человека в рамках социальной прагматики. Здесь возникает необходимость утверждения символического значения старости. Этот процесс призван повысить адаптацию поколений, так как в обществе накапливалась идея бережного отношения к старости, почтения к старикам. Но так как духовная эволюция представляет собой сложный неравномерный процесс, то потенциал почтенного отношения к старикам то усиливался, то ослабевал, что отражалось на адаптивной способности отдельных людей и целых народов.

Для цитирования в научных исследованиях

Гришай В.Н., Киясханов М.Х., Капустян Н.В. Старость как социально-философская категория в рамках культурной парадигмы общества // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 5А. С. 344-351.

Ключевые слова

Старение, старость, возраст, социальная философия, философия.

Введение

Идея старости, формируя философско-культурные образы, выступает образцом, регулятором смысла жизни в рамках различных этносов, народов и конкретных личностей. Сама идея старости противоречива, так как здесь возникает конфликт между биологическим, духовным и социальным пластами человеческого существования. Разрешение этих конфликтов как раз выступает в качестве личностного развития, утверждая желание долгой жизни.

Само явление старости не сводимо только лишь к одной из составляющих: физиологической, антропологической, социальной или какой-либо другой. Рассмотрение старости с точкой отсчета каждой из этих составляющих дает лишь частичное понимание смысла, но в то же время выступает самостоятельным и значимым исследованием частных наук. Рассмотрение же старости в системе универсума человеческого бытия приводит к получению символического отражения смысла, который раскрывает двухстороннюю связь мира с человеком. Благодаря наличию этого смысла, различные культуры транслируют значимость старости в качестве определенного жизненного этапа как на общесоциальном уровне, так и на личностном.

В качестве одной из характерных черт старости можно отметить тот факт, что ее биологическая и духовная эволюции движутся в разные направления. Биологическая эволюция старости подразумевает увеличение продолжительности человеческой жизни. Здесь существенными выступают такие факторы, как экономические, политические, демографические, уровень культуры, быта, медицины и т. п.

Основная часть

На сегодняшний момент можно говорить о том, что существует уже современный европейский взгляд на старость, который все же является идейным преемником предыдущих мировоззренческих систем.

Идеального образа старости, актуального для всех культур на различных временных этапах, не существует. Абстрактный образец старости каждой культуры представлял собой итог социального, природного и мистического единения системы «человек – мир». В языческих племенах был распространен обычай поедания стариков как способ приобщения к жизненной силе рода. В славянских племенах стариков принято было приносить в жертву как посланников к богам-покровителям рода. Уже в античности (в частности, у Платона) возник образ старика как умудренного правителя государства, созерцающего бога. Чуть позже актуализируется христианский идеал старости – духовный старец, молящий за весь род человеческий. Уже ближе к современности И.И. Мечников исследовал образ долголетнего старца, живущего до тех пор, пока не будет утрачено желание жить.

Таким образом, можно увидеть, что идеалы старости в большой степени зависят от мировоззренческой парадигмы, господствующей в исследуемую эпоху. Тем не менее есть общий метафизический признак для всех эпох: образ старости имеет противоречивый характер – с одной стороны, это продолжение жизни, один из основных этапов бытия, с другой же – это

указание на приближающуюся смерть, движение к небытию. В своей основе образ старости содержит подведение итогов жизни, осознание высшего смысла и предназначения жизни.

Зачастую стандарт старости складывается исторически стихийно – из отрицания или полного незнания о прежних идеалах. В то же время незнание цельной системы или невидение цельного образа прошлого человеческого опыта по исследуемому вопросу не отрицает заимствование его частей или элементов, подходящих для актуальной социальной ситуации. В настоящее время основными поверхностными компонентами положительного образа старости культура утверждает здоровье, творчество и долголетие. В то же время в меньшей степени в европейском образе старости представлена духовная сторона, характерная для культур прошлого: «Когда факты старости и смерти становились значимыми в жизни рода событиями, то это означало действительное осуществление через индивида общих ценностей, к которым был причастен род, через это проявлялись исторические судьбы племени, укреплялась сила его духа. Старость явление, исполненное глубокого смысла. По степени значимости оно никак не может быть причислено к разряду второстепенных событий хотя бы уже потому, что старость это завершающий этап человеческой жизни» [Шааб, 2010, 175].

Проблема старости тесно связана с проблемой старения, что в свою очередь зависит от продолжительности жизни. Само определение протяженности во времени процесса старения находится в прямой зависимости не только от биологических факторов (таких как длительность жизни), но и от социокультурных (ее насыщенности событиями). Марк Туллий Цицерон в трактате «О старости», отрицая конструктивность ленивой и плаксивой старости, вызывающей жалость и сострадание, описал классический образец философии гармоничной старости. К старости человек должен приходить гордо, исполнив свой нравственный долг гражданина мира. «Таким образом, те, кто отказывается старости в возможности участвовать в делах, не приводят никаких доказательств и подобны людям, по словам которых кормчий ничего не делает во время плавания, между тем как одни моряки взбираются на мачты, другие спуют между скамьями, третьи вычерпывают воду из трюма, а он, держа кормило, спокойно сидит на корме. Он не делает того, что делают молодые, но, право, делает нечто гораздо большее и лучшее; не силой мышц, не проворностью и не ловкостью тела вершатся великие дела, а мудростью, авторитетом, решениями, и старость обыкновенно не только не лишается этой способности, но даже укрепляется в ней» [Цицерон, 1993, 48].

Старость, согласно Цицерону, должна находить утешение в авторитете, который был приобретен с годами. В то же время он добавляет: «Но помните, что я во всех своих рассуждениях прославляю только такую старость, которая зиждется на том, что было заложено в юности. Из этого следует то, что я недавно высказал при полном одобрении всех присутствовавших: жалка была бы старость, если бы она начала защищаться словами; ни седина, ни морщины не могут вдруг завоевать себе авторитет; но жизнь, прожитая прекрасно в нравственном отношении, пожинает последние плоды в виде авторитета» [Цицерон, 1993, 91]. Определяя длительность этапа старости, Цицерон писал следующее: «И вот, как исчезают стремления, свойственные более ранним возрастам, так же исчезают и старческие стремления. Всякий раз, как это наступает, удовлетворенность жизнью делает своевременным приход смерти» [Цицерон, 1993, 104]. Уже в конце XIX века И. И. Мечников, вторя Цицерону, создал теорию ортобиоза, гласившую, что у человека развивается естественное желание смерти (инстинкт смерти), когда происходит его насыщение жизнью [Мечников, 2011, 201].

Отношение к старению и пожилым людям выступает одним из показательных факторов

уровня развития культуры и духовности социальных систем. К.Г. Юнг – автор теории об архетипах, утверждал, что мудрый старик или мудрая старуха – один из самых сильных архетипичных образов коллективного сознания. Однако в современном российском обществе этот архетип пережил серьезную деформацию. Современные люди уже не могут возлагать надежды на обретение авторитета старости в преклонные годы. В первую очередь это связано с региональным менталитетом, который был сформирован современной российской жизнью. На настоящий момент в нашей стране активно проявляется тенденция низвержения кумиров и авторитетов. Этот деструктивный процесс отражается не только на авторитетах истории, но и рода, что приводит к усилению нравственных испытаний. Это тяжело отражается на пожилых людях, лишая их спокойной как в биологическом, так и в духовном смыслах, старости. Не имея возможности обрести покой и уважение перед смертью, они уходят из жизни в состоянии неверия и разочарованности. Это духовное состояние стариков, несомненно, сказывается и на других поколениях. Возникает разрыв между поколениями, лишаящий сопричастности каждого члена общества к своему народу. Если не существует между людьми внутренней единенности, то «исчезает и род, а вместе с ним и народ, народ, принимающий в свое лоно каждого уходящего из жизни согласно таинственной и величавой библейской формуле: «И умер Авраам, и приложился к народу своему ... », « ... и умер Исаак, и приложился к народу своему ... », « ... и умер имярек, и приложился к народу своему ... »» [Мяло, 1990., 230.].

Таким образом, мы можем увидеть, что экзистенциальный смысл старости заключен в осуществлении внутренней связи в первую очередь между живущими поколениями. Старость служит инструментом раскрытия мудрости жизненного пути человека, который служит непрерывным основанием человеческой истории.

Старость представляет собой воплощенное состояние внутренней зрелости, что делает ее особо ценной среди возрастных этапов человеческой жизни. Человек в старости обретает высшую ценность, к которой стремится все остальное время своей жизни. И.А. Ильин писал о старости: «Старость это время отстоявшегося созерцания, сладостных воспоминаний, высшей духовной зрелости ... А древнему старцу дано еще большее и высшее: он приобщается таинственной целесообразности мира во всей ее глубине и благодати; он уже проникает взором в потустороннюю жизнь и готов благословить свой земной конец» [Ильин, 1994, 121].

Уважение и почтение старости выступает не чьим-то социальным запросом, это неперемное условие связности истории определенного народа. Старость выступает фактором примирения поколений, что достигается в том числе и трансляцией стариковской мудрости.

Экзистенциально старость представляет собой период подготовки для восстановления утраченной при рождении связи с Абсолютом (Богом). Поэтому ценность старости выше, чем всех иных периодов человеческой жизни. Старость обладает глубиной памяти, насыщенностью событиями в большей степени интенсивности, чем другие возрасты. Детство и юность – это возрасты надежд, ожиданий, иллюзий. Зрелость – возраст свершения, слияния с миром. Старость же – это время тихого созерцания, подведения итогов, полного единения с миром. «Старость – это жизнь в ожидании таинства преображения и вместе с тем – осуществление этого таинства. Старость, и это едва ли будет преувеличением, есть такой возраст жизни, который преисполнен наивысшего напряжения осуществленности жизни, который наполняет жизнь мировым звучанием, мировым, вселенским напряжением и смыслом. Старость метафизична в том плане, что она есть подготовка к переходу от бытия имманентного к бытию трансцендентному» [Шааб, 2010, 99].

Уже в античности понимание старости было близко к современному. В то же время само отношение несколько разнится. Если в современном мире физиологические изменения организма, связанные со старостью, принято оценивать исключительно отрицательно, то в античной философской мысли воспринимали метафизику старости эстетически.

Старец в древнегреческой философии вечно молод, величественен, созерцателен, как образ бога. Его облик таинственен, полон божественной мудрости и одухотворен. А.Ф. Лосев, исследуя труды Платона, подмечал, что «если в доме еще остаются престарелые родители, которые являются как бы живыми изваяниями богов, то в таком доме присутствие скульптурных изваяний богов вполне излишне» [Лосев, 1974, 205].

Платон описывал свою теорию возрастов в труде «Политика», при этом в ней прослеживается связь с восточными религиозными традициями и идеями космических циклов. Он описывает возможность двойного движения Вселенной, приводящего к катастрофическим явлениям и вымиранию человечества на Земле. После наступает новое космическое возрождение, которое он описывает следующим образом: «Люди начинают молодеть: «седые волосы старцев почернели» и т. д., тогда как зрелые люди день ото дня становились все меньше ростом, достигая размеров новорожденного ребенка, вплоть до того, что «продолжая после этого чахнуть, они, в конце концов, уничтожались совершенно». Трупы же тех, кто умирал, «быстро и незаметно исчезали в течение нескольких дней». Именно тогда зародилась раса «земнорожденных», память о которой сохранили наши предки» [Элиаде, 1987, 71]. Здесь можно отметить, что платоновское двойное движение Вселенной вызывает обратное развитие человека, тем самым воскрешая уже мертвых. Таким образом, здесь человеческий возраст носит условный характер, выступая лишь для определения Божественного космоса.

Другой античный мыслитель Плутарх отмечал, что «нельзя дважды коснуться смертной природы в прежнем состоянии ... Поэтому становление ее никогда не достигает бытия, так как оно не прекращается и не останавливается никогда. Она изменяется постоянно, начиная с семени, и образует сначала зародыш, потом младенца, потом ребенка, потом подростка, юношу, потом мужа, пожилого человека, старика, всякий раз уничтожая прежние рождения и возрасты новыми. Смешно, что мы боимся одной смерти, хотя уже столько раз умирали и умираем сейчас ... Никто не остается тем, кем был, и никто не есть «один», но «становится многими», пока материя пронесется и скользит мимо одного какого-то признака и общего отпечатка..., а кто изменяется, тот не тождественен самому себе, но скоро не есть тот же самый, то и не есть, но именно изменяется, становясь один на другого» [Фрагменты ранних греческих философов, 1989, 114]. Этот процесс не подразумевает ни цели, ни конечности. Когда наступает старость, человек не обладает личностью.

Платон предлагал следующую концепцию: человек несмотря на свою смертную природу овладевает своей самостью, подлинностью, которая была нарушена в момент рождения. Стремясь к Абсолюту, человек пытается преодолеть раздробленность мира, тем самым обнаруживая вторую самость, которая представляется Вечностью. «Вечность всегда молода. В вечности все мы всегда будем одного и того же возраста. Вечность всегда живет, стремится, развивается, но никогда не убывает, а всегда только порождает, всегда только возрастает» [Фрагменты ранних греческих философов, 1989, 167].

Для греческой философии характерно утверждение о том, что все возрасты человеческой жизни равноправны перед вечностью. Человеческая жизнь представляет собой претерпевание всего предназначенного ему. Древние философы различали «семь сезонов» (возрастов)

человеческой жизни. Исследование их особенностей представлялось необходимым. При этом причины старения человека древним грекам виделись в двух направлениях. Во-первых, в космологическом плане причины старения объяснялись эзотерически. Платон описывал свою систему следующим образом: «под влиянием ослабевающего действия основных треугольников на мозг стареет, и душа в этом случае с удовольствием отлетает» [Фрагменты ранних греческих философов, 1989, 187], где треугольник символизировал единство трех начал: человеческого, природного и Божественного.

Во-вторых, поисками причин старения занимались греческие натурфилософы. Проводя аналогии между живой и неживой природой, они стремились установить всеобщие законы, выявив причины угасания как одушевленных, так и неодушевленных существ. В результате порождались высказывания, подобные следующему: «Некоторые растения живут до осеменения, а после осеменения увядают, как, например, трава..., так и люди растут до тридцати лет..., а когда не могут больше производить семя, увядают и стареют» [Фрагменты ранних греческих философов, 1989, 201].

Заключение

Таким образом, можно утверждать, что старость, выступая неизбежным этапом долголетия, представляет собой серьезный объект внимания человеческой культуры, связанный с определенным мировоззрением каждой конкретной культуры. В то же время сама проблема старости носит не только физиологический и социальный характер, но также и метафизический, так как сам человек выступает не только социальным существом, но и вселенским, поэтому его возрастные этапы имеют значение в масштабах всего мира.

Библиография

1. Ильин И.А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний // Собрание сочинений в десяти томах. М., 1994. Т. 3. 590 с.
2. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Высокая классика. М., 1974. 383 с.
3. Марк Туллий Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: Наука, 1993. 248 с.
4. Мечников И.И. Этюды о природе человека. М.: Книговец, 2011. 320 с.
5. Мяло К. Посвящение в небытие // Новый мир. 1990. № 8. С. 229.
6. Фрагменты ранних греческих философов. М.: Наука, 1989. 576 с.
7. Шааб К.С. Старость как завершающая ступень долголетия // Аналитика культурологии. 2010. № 18. С. 84-103.
8. Элиаде М. Космос и история. М., 1987. 312 с.

Old age as a socio-philosophical category within the cultural paradigm of society

Vladimir N. Grishai

Doctor of Sociology, Professor,
Professor of Economics Department,
Essentuki Institute of Management, Business and Law,
357600, 2, Ermolova st., Essentuki, Russian Federation;
e-mail: vngprof@gmail.com

Magomed Kh. Kilyaskhanov

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Representative of the MIA of Russia in the Republic of Tajikistan,
Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
734003, 67, L'va Tolstogo st., Dushanbe, Republic of Tajikistan;
e-mail: rlo.tajikistanmigr@mvd.gov.ru

Natal'ya V. Kapustyan

PhD in Sociology,
Deputy Head of the Department of labor and business law,
Stavropol Institute of Cooperation (branch),
Belgorod University of Cooperation, Economics and Law,
355000, 28/9, Tukhachevskogo st., Stavropol, Russian Federation;
e-mail: common@stavik.ru

Abstract

In Russian culture, the value of old age is formed within the framework of the Christian idea of house-building. There are both external and internal aspects of influence. The external aspect involves such activities as the protection of nature, land, environmental problems, optimization of life and social system on the criteria of justice and moral equality. The inner side of influence is expressed in the performance of the duty of inner conviction, creativity, and service to his cause. In such circumstances, it is possible to have a positive longevity and enlightened old age of the majority in the human environment as a new stage of humanity. Age is a cultural and historical category. Each worldview system forms its own image (ideal) of any age stage. The same is true for old age. The change of ideals of old age occurs with the change of cultural and historical types of society. For European culture characteristic in one or another period were such cultural and historical images of old age as the oldest, ancient, pagan, then Christian. It can be argued that old age, acting as an inevitable stage of longevity, is a serious object of attention of human culture, associated with a certain worldview of each specific culture. At the same time, the very problem of old age has not only physiological and social, but also metaphysical nature.

For citation

Grishai V.N., Kilyaskhanov M.Kh., Kapustyan N.V. (2018) Starost' kak sotsial'no-filosofskaya kategoriya v ramkakh kul'turnoi paradigmy obshchestva [Old age as a socio-philosophical category within the cultural paradigm of society]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (5A), pp. 344-351.

Keywords

Aging, old age, age, social philosophy, philosophy.

References

1. Eliade M. (1987) *Kosmos i istoriya* [Cosmos and history]. Moscow.
2. (1989) *Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov* [Fragments of the early Greek philosophers]. Moscow: Nauka Publ.

3. Il'in I.A. (1994) Poyushchee serdtse. Kniga tikhikh sozertsanii [Singing heart. The Book of Quiet Contemplation]. In: *Sobranie sochinenii v desyati tomakh* [Collected Works in Ten Volumes]. Moscow. Vol. 3.
4. Losev A.F. (1974) *Istoriya antichnoi estetiki. Vysokaya klassika* [The history of ancient aesthetics. High classics]. Moscow.
5. Mark Tullius Cicero (1993) *O starosti. O druzhbe. Ob obyazannostyakh* [About old age. About friendship. About duties]. Moscow: Nauka Publ.
6. Mechnikov I.I. (2011) *Etyudy o prirode cheloveka* [Studies on the nature of man]. Moscow: Knigovek Publ.
7. Myalo K. (1990) Posvyashchenie v nebytie [Dedication to non-existence]. *Novyi mir* [New World], 8, p. 229.
8. Shaab K.S. (2010) Starost' kak zavershayushchaya stupen' dolgoletiya [Old age as the final stage of longevity]. *Analitika kul'turologii* [Analytics of cultural science], 18, pp. 84-103.